

*Духин, Я.К.,
кандидат исторических наук, профессор,
КГПИ, г. Костанай, Казахстан*

ОРЕНБУРГСКИЕ «ДЕКАБРИСТЫ»

Аннотация

Настоящая статья включает в себя материалы по истории Оренбургского тайного общества. В ней запечатлены свидетельства о создании организации, ее лидерах, программах и, что главное, прослеживаются возможные контакты с декабристами и пути их идейного сближения. Источниковедческой основой послужили архивные и литературные материалы, публикации периодики.

***Ключевые слова:** общество, декабризм, каторга, восстание, программа, донос, провокатор, ссылка.*

1. Введение.

Название здесь чисто условное. Во всех известных исследованиях истории оренбургского тайного общества оно не встречается применительно к его участникам, видимо, из-за недостатка источниковедческой основы. Мы же постараемся утвердить вышеозначенный мотив, используя дополнительные свидетельства, ранее ускользавшие с поля зрения исследователей. При этом, заявлять о наличии каких-либо прямых организационных связей между декабристами и оренбургскими деятелями не намерены, да для того и нет серьезных свидетельств, хотя сохранилось немотивированное заявление знатока истории Оренбуржья генерала И.В. Чернова о том, что «в Оренбурге завелось тайное общество с политической целью; оно было как бы отделением Петербургского общества» [1, 53]. Насстораживает неопределенность этого «как бы» и заставляет с осторожностью отнестись к данному заявлению. По всей

видимости, И.В. Чернов перенес общность состава, программы и духа, роднившие декабристов с оренбуржцами, на единство организационное. А вот что касается действительно программных и идейно-политических принципов, то единство позиций или намеки на них у тех и других, несомненно, присутствовали. Постараемся в дальнейшем этот факт обосновать.

И еще. Поскольку история общества в Оренбурге достаточно исследована, это освобождает нас от ее детального анализа и направляет усилия на уточнение эпизодов, связанных с деятельностью отдельных его участников и подтверждающих основной мотив настоящей статьи.

2. Основная часть.

Ряд историков, в том числе и известный пермский исследователь М.Д. Рабинович, склонны были считать, что оренбургское общество «возникло раньше и просуществовало дольше любой из известных до сих пор декабристских организаций» [2, 106]. При этом первая часть утверждения намекает на то, что общество своим истоком имеет деятельность полумасонского кружка, связанного с именем Н.И. Новикова. И действительно, по свидетельству декабриста В. Штейнгеля, кружок, образованный «в Оренбурге, на грани обширных степей», и на раннем этапе возглавляемый П.Е. Величко, имел явные признаки масонской догматики, включавшие в себе «братство, равенство, искренность, взаимное вспомоществование друг другу, благотворение, распространение чтения полезных книг и вообще свободомыслие того времени...» [3, 6]. Данное обстоятельство ставит под сомнение тезис считать ранний этап кружка с подобной мотивацией в чем-то родственным декабризму. Другое дело – этап последующий. Здесь сомнений нет, и декабристский след весьма четко просматривается.

Изменения в характере деятельности Оренбургского общества в направлении к декабристскому образу происходит в 1825 г., когда после смерти П. Величко оно не распалось и к его руководству приходит аудитор Оренбургского ордонансгауза и Кизильского батальона П.М. Кудряшев – личность во многих отношениях весьма замечательная, «...человек честной, довольно образованной, любитель литературы, поэт про себя и мечтатель о свободе...» (В. Штейнгель) [3, 7]. Петр Михайлович слыл знатоком восточных языков и, ко всему, талантливым писателем, автором повестей и рассказов из жизни различных народностей Оренбургского края, помещавшихся в таких известных столичных журналах, как «Вестник Европы», «Отечественные записки» и др. Помимо того, что он возглавил тайное общество, П. Кудряшев сплотил вокруг себя оренбургских писателей, обсуждая с ними проблемы литературного творчества.

Ведя работу конспиративно и осторожно, тонко чувствуя настроение своего окружения, П. Кудряшев решил для активизации деятельности тайного кружка привлечь «несколько молодых людей, служащих в тамошнем гарнизоне, и питал порывы их молодости подобными мечтами..., с целью просветиться и стремиться к свободе» [3, 17]. Появление новых членов обновило состав прежнего общества, все более неудовлетворенного масонскими ритуалами и благотворительными целями. В силу скудности данных, трудно определить с их социальным составом, но известно, что это была молодежь (младшему было 19 лет, старшему – Д. Таптикову – 33 года) из офицеров младших чинов, мелкопоместных и беспоместных дворян и разночинцев.

В немалой степени оживлению общественной жизни Оренбурга способствовало появление в нем деятелей декабристских организаций. Оренбургский край неоднократно посещал член Северного общества, офицер генерального штаба В.Д. Вольховский. В 1820 г. он в составе посольства А. Негри посетил Бухару и на обратном пути составил подробные карты с описанием маршрута от Сыр-Дарьи до Оренбурга. В 1825 г. он – член экспедиции полковника Берга – проводит рекогносцировку земель между Каспийским и Аральскими морями. Кстати, это его пребывание в Казахстане было последним, вернувшись в г. Сарайчик (база экспедиции), декабрист застал здесь ожидавшего его фельдъегеря с приказом доставить «преступника» в Петербург в распоряжение следственной комиссии [4, 10-11]. Не будем забывать, что декабристы ставили целью создание общественного мнения с помощью пропаганды, а потому член Северного общества В.Д. Вольховский, проживая временами в Орен-

бурге, где все близко знали друг друга и где в то время, по свидетельству П. Столпянского, «потребность общественной работы во имя и на пользу других была слишком велика...» [5, 18], вряд ли упустил бы возможность выполнить свое назначение и прошел мимо знакомства с передовым офицерством из среды тайного общества. Известно, что он близко сошелся с Г.С. Карелиным, сосланным в Оренбург по приказу А. Аракчеева и состоявшем в разряде «подозреваемых», т.е. тех, «которые по образу мыслей и характеру своему почитаются основательно за будущих членов общества» [3, 111]. В письме из Петербурга Г. Карелину в сентябре 1824 г. В. Вольховский упоминает об общих оренбургских знакомых [6, л. 1 об.]. Существует определенная доля уверенности в том, что среди «знакомых» были и офицеры-кружковцы. А если это так, то обмен мнениями несомненен.

Почти ежегодно бывал у себя на родине сын командира 26-й пехотной дивизии в Оренбурге генерал-лейтенанта А. Жемчужникова декабрист Антон Жемчужников. Уж он-то, несомненно, контактировал с оренбургскими радикалами. Позднее, после подавления восстания в Петербурге, Жемчужникова сослали в Оренбург, и вновь знакомая среда. Известны контакты ссыльного декабриста Н.П. Кожевникова с членами тайного общества [2, 109], а также бывших солдат лейб-гвардии Семеновского полка, отбывавших ссылку в Оренбурге за участие в известном восстании 1820 г. Исследователь декабризма С.Я. Штрайх отмечал, что солдаты «широко распространяли рассказы о самоотверженной преданности молодых офицеров-участников тайных обществ идее народного освобождения. По человеческому обращению с солдатами, по разговорам на товарищеских собраниях семеновцы узнавали в членах тайного кружка Велички и Кудряшева своих былых начальников..., всегда старались оказывать им содействие» [7]. А вообще, в оренбургском крае пребывало значительное число ссыльных, и они воспринимались здесь жертвами царского произвола – факт, вряд ли ускользнувший от внимания местных революционеров. В одном из доносов в Петербург отмечалось, что мысли, слова и поступки ссыльных становились предметом «особенного их (местного общества – Я.Д.) внимания, толков и разговоров» [8, д. 61, ч. 140, л. 7 об.]. Связи ссыльных с тайным обществом, а они вне сомнения не могли не быть, приводили к обмену информацией и к ознакомлению оренбуржцев с идеями и направлениями декабристской мысли.

Подтверждая данное суждение, мы обращаем внимание на личность, весьма известную в оренбургских кругах – Федора (Фридриха) Ивановича Германа, сына бывшего начальника Екатеринбургских железных заводов, горного инженера и известного ученого Ивана Филипповича Германа. Для своего времени он получил хорошее образование, окончив горный кадетский корпус, пройдя практическую инженерную школу при отце. Современники отмечают, что Ф. Герман обладал большими способностями, разнообразными познаниями и даром слова [9, л. 1 об.], а декабрист В. Штейнгель подчеркивал благородство характера и свободолюбие. Оренбургский военный губернатор П. Эссен, прослышав о незаурядности Германа, взял его к себе адъютантом. Знакомый с Казахстаном и хорошо ориентированный в сложных взаимоотношениях власти и степи, Федор Иванович вскоре назначается заведующим пограничной частью канцелярии губернатора [3, 33], что позволило ему, как очевидцу многих событий, предпринять написание нескольких очерков под общим названием «О киргизцах».

В очерках, опубликованных в журнале «Вестник Европы» (1822-1823 гг.), автор с большой скрупулезностью и максимальной достоверностью описывает характер кочевого быта казахов (киргизов), территорию их расселения, повествует о появлении земледелия в степи, анализирует характер ханской власти. С большим интересом читаются разделы о причинах и последствиях барымты, о суевериях и религиозных воззрениях местного населения. Внимательный взгляд позволяет Ф. Герману определить выгоды, которые империя может иметь и имеет от контактов с киргизской степью.

Отмечаемые многими передовые взгляды и свободный образ мысли вывели Ф. Германа на контакты с тайным обществом, по крайней мере, об этом упоминает М. Рабинович. Бо-

лее того, архивные свидетельства подтверждают его связи с петербургскими декабристами. Обратимся к рапорту Казанского губернского прокурора Гавриила Солнцева на имя управляющего министерством юстиции Д.В. Дашкова в 1931 г. В нем указывалось о полученной в свое время отставным майором Германом социально-политической литературы от члена Северного общества декабриста В. Штейнгеля. «Преступник Штейнгель, – доносил прокурор, – не без намерения распространяя крамолу, сообщил оное и г. Герману своему родственнику, как недовольный правительством недовольному» [9; л. 3].

И действительно, в 1822 г. В. Штейнгель передал Федору Ивановичу, находившемуся в Оренбурге, список с сочинения декабриста полковника М.А. Фонвизина «О необходимости неперменного законоположения или о конституционных законах». В этом «одном из самых возмутительных, – по мнению прокурора Г. Солнцева, – сочинений своего века» М. Фонвизин «рассуждает о правах свободы и собственности, об общественном договоре, начертывает по-своему границы прав государям и подданным и их обязанности, монархическое правление именуется тираниею, ставит на вид слабости и злоупотребления любимцев государей, злоупотребления власти самих владык земных, и черными красками оттеняет собственное свое отечество в безумном упоении мнимой свободы и заключает необходимостью в государстве установить неприменяемые конституционные законы» [9, л. 2, 2 об.].

Получив это сочинение, которое «часто обращалось в руках заговорщиков декабря 14-го», Ф. Герман вряд ли воздержался от того, чтобы не ознакомиться с ним своих товарищей по обществу. По крайней мере, из рапорта Г. Солнцева узнаем, что «конституцию» читал член оренбургского кружка Родионов.

Сам Ф. Герман в мае 1825 г. написал ответное рассуждение на сочинение М. Фонвизина, в котором откровенно выразилось созвучие декабристским настроениям и которое, по замечанию прокурора, «отзывается также духом существовавшего тайного общества под названием союза спасения». Автор рассуждения четок в определении своих позиций: «дворянское сословие не имеет патриотизма и рабство еще существует, что, несмотря на учреждение университетов, просвещение еще недалеко, что господствуют еще предрассудки, невежество, корыстолюбие и несправедливость». Как и декабристы, Ф. Герман отрицает феодальные и крепостнические порядки, отстаивает «преимущественно передо другими конституции Англии и Североамериканских штатов», яркими красками оттеняет «восстание слабых нидерландцев против сильнейшего в свой век из всех монархов во всей тогдашней Европе...». «Под сим историческим отрывком не таится ли подстрекание мятежного духа..?» – задает вопрос все тот же прокурор [9, л. 5 об., 6].

Будучи человеком прямым и откровенным в поступках, Ф. Герман своей постоянной борьбой с злоупотреблениями, взяточничеством и невеждами нажил себе много врагов. Оренбургские «благомыслящие» начали против него настоящую кампанию клеветы. Один из недругов, генерал Чернов, в своих воспоминаниях опустил до обвинения в моральном падении, разврате и др. подобных наветах [1, 55]. Травля и доносы сделали свое дело, Ф. Герман переводится из гвардии в армейский полк и устраняется от прежней должности. В ответ на просьбу объяснить причины этих мер начальник Главного штаба кн. П.М. Волконский заметил Ф. Герману, что тот «не рожден для вопросов, а для повинований», а на ходатайства о восстановлении на службу из Петербурга поступал один ответ: «Высочайшего соизволения на то не последовало» [9, л. 46 об, 47]. Не исключено, что оренбургский вольнодумец воспринимался столичными властями не кем иным, как одним из плеяды ненавистных деятелей 14-го декабря.

По всей видимости, и отдельные декабристы в свою очередь могли иметь сведения об оренбургском кружке, хотя бы через того же Ф. Германа и В. Штейнгеля. Ведь не случайно же впоследствии именно последний стал редактором «Записок несчастного, содержащих путешествия в Сибирь по канату», составленных одним из деятельных участников общества В.П. Колесниковым и использованных нами при написании настоящей статьи. И тот факт,

что позиции декабристов по многим вопросам разительным образом совпадают с взглядами оренбуржцев, доказывает их идейное единство и родство.

Восстание 14 декабря 1825 г. и особенно его разгром имело немаловажное значение для Оренбургского тайного общества, оно, по словам В. Штейнгеля, «напугало старших и осторожных членов этого общества и ожесточило пылких юношей» [3, 7]. Общество очистилось от слабодушных и неустойчивых и вступило в короткий, но, пожалуй, самый активный этап своего существования, обозначенный составлением программных основ организации. Вот «Устав». Заявлением о том, что «цель его (общества – Я.Д.) есть изменение монархического правления в России и применение лучшего рода правления к выгодам и свойствам народа, для составления истинного его благополучия» [3, 111], документ разительно напоминает и «Русскую правду» П.И. Пестеля, и Конституцию Н.М. Муравьева.

Попытка оформить свои программные требования вылилась в создание другого документа под названием «Инструкция», содержание которой кратко, но достаточно выразительно. В категорической форме указывалось на то, «что Оренбургское тайное общество составлено для произведения политического переворота в краю сем», для чего с помощью пропаганды предполагалось внушать «рядовым тамошнего гарнизонного полка, казакам войска Оренбургского, равно и простому народу те мысли о свободе и равенстве, которые неизбежно влекут за собою волнение умов и приготовление их к перемене правления» [3, 112].

Готовясь к вооруженному выступлению, общество решило издать прокламацию с изложением следующих требований: объявить «1-е, Россию свободною; 2-е, уменьшение годов службы нижним чинам и удвоение их жалования; 3-е, освобождение крестьян помещичьих; 4-е, прощение налогов и недоимок государственных; и 5-е, избавление нижних чинов от телесного наказания» [3, 113]. Если вспомнить восстание Черниговского полка и обратиться к плану выступления оренбуржцев, то в обоих случаях обнаружим их поразительное сходство. Члены общества, как и черниговцы на Украине, предполагали обратиться к населению с прокламацией, совершить рейд к Казанской губернии, по пути привлекая жителей на свою сторону, более того, считали необходимым отправить агитаторов на Оренбургскую пограничную линию и к уральским казакам с целью «присоединения их к обществу».

Вызывает определенный интерес стремление оренбуржцев в момент предполагаемого восстания вовлечь в него «соседственных народов, вблизи его кочующих». Член общества В. Ветошников заявлял о том, что «войско Уральское и киргизы были согласны при поднятии их знамя приступить к бунту» [8, д. 118, л. 3-3 об.]. Были ли эти надежды беспочвенными? Не думаю. Присмотревшись к обстановке в степи, можно найти признаки этих надежд. Недовольство казахов родов Табын и Тама жестокими притеснениями, как со стороны местных феодалов, так и царских колониальных чиновников, вызвало их мощное выступление в 1822 г. Один из руководителей выступления Жоломан писал оренбургскому военному губернатору П. Эсену следующее: «...русские люди... поставили по р. Илек новые караулы, отобрав от нас не только внутреннюю сторону Илека, но и все течение этой реки, лишили нас наших земель... и у нас не осталось земель для пастбища скота, поэтому наш киргиз-казахский народ, потеряв всякое терпение от этих притеснений, в сем 1822 г. причинил российскому журту беспокойство...» [10, 433-434]. Представляется, подобные события в степи не могли обходить стороной оренбургских революционеров и не питать их надежды на помощь со стороны казахского населения.

Трудно представить, к каким результатам могла привести деятельность общества, не стань на его пути провокатор Ипполит Завалишин. Младший брат известного декабриста Дмитрия Иринарховича Завалишина, он представил Николаю I в 1826 г. донос на сестру и брата, обвиняя последнего в шпионаже и в создании тайного общества. Донос следственной комиссией признан был ложным, и разжалованный из юнкеров в солдаты Ипполит в декабре 1826 г. отправляется в ссылку в Оренбург.

М.Д. Рабинович полагает, что И. Завалишин сослан царем якобы для обнаружения там тайного общества. Нам это суждение представляется не совсем правдоподобным: во-первых,

не подкреплено достоверными свидетельствами, во-вторых, никаких данных о существовании оренбургского тайного общества в распоряжении следственной комиссии и царя не находилось, чтобы предпринимать какие-либо превентивные меры для его обнаружения и слежки. Мнение же М. Рабиновича основано на доносе Завалишина оренбургскому военному губернатору П. Эссену, где он признался, что уполномочен императором к «дальнейшему разысканию тайных обществ». Учитывая, что все предыдущие и последующие доносы были лживы и провокационны, вряд ли стоит принимать на веру очередную маниакальную ложь предателя.

Так или иначе, но появившись в Оренбурге, Завалишин постарался привлечь к себе внимание репутацией пострадавшего декабриста, хотя, по сути, им и не являлся, и мнимым участием в некоем Владимирском тайном обществе. Более того, представляясь членом последнего, он имел, якобы, поручение от него вербовать сторонников в Оренбурге, обещая им скорое выступление против царя. По словам В. Штейнгеля, «провинциальные молодые либералы им заинтересовались...» [3, 8]. Среди таковых оказался офицер В.П. Колесников, уже упоминаемый как автор «Записок», поспешивший сообщить о знакомстве своему руководителю П.М. Кудряшеву. Как человек более опытный и осторожный, знакомый с принципами конспирации Кудряшев посоветовал «быть крайне осторожным к откровенности», но с целью выведать у Завалишина, «что это такое, он разрешил Колесникову, с двумя или тремя товарищами, войти с ним в тайное сношение, промолвив: «а там увидим»» [3, 8].

Нам представляется, что деятели общества пошли на тактический прием: не раскрывая Завалишину факт существования организации, они согласились на создание нового тайного кружка под временным председательством Д. Тапикова. Иными словами, в Оренбурге, по сути, существовало два подпольных органа: один – старый, руководимый П. Кудряшевым, другой – созданный по предложению Завалишина в марте-апреле 1827 г. с провокационной целью. Не теряя времени, действуя быстро и решительно, провокатор вошел в доверие к офицерам и даже сумел получить от них списки членов общества, «Устав» и «Инструкцию». Этого было достаточно для предательства; в апреле 1827 г. на имя губернатора П. Эссена Завалишиным направляется уже упоминаемый выше донос с приложением к нему компрометирующих документов и списка членов кружка.

Сразу же последовали аресты 33 человек по списку провокатора. Привлеченные к суду обвинили в организации общества самого И. Завалишина, приписывая ему составление всех программных документов. Предупрежденный секретарем военного губернатора о провале («Кажется, ваш новый приятель подал какой-то донос...»), П. Кудряшев, несмотря на тяжелую болезнь, нашел в себе силы сжечь все крамольные бумаги и успел предупредить своих товарищей, определив им линию поведения в случае ареста [8, д. 119, ч. 2, л. 7 об.]. Благодаря этой предусмотрительности, многие члены кружка, хотя и были арестованы по наветам предателя, вскоре освобождены за неимением веских доказательств. Сам же Кудряшев по этим же обстоятельствам был признан невиновным, но через неделю скоропостижно скончался. Отправляемые на каторгу кружковцы с теплотой почтили его память: «...мы пропели гимн, – писал В. Колесников, – некогда в патриотических мечтах сочиненный незабвенным Кудряшевым... Такие люди никогда совсем не умирают» [3; с.41].

Расправа над арестованными была жестока, видимо, оренбургский суд, возглавляемый командиром 26-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом А. Жемчужниковым (отцом декабриста), следовал примеру петербургского следствия по делу декабристов и жестокосердного императора. И, несмотря на то, что Николай I, в общем-то, признавал общество умыслом провокатора, тем не менее, он утвердил решение оренбургского судилища. Кстати, И. Завалишин и во время ареста остался верен себе, направив донос не на кого-нибудь, а на самого военного губернатора П. Эссена, обвинив его во всех мыслимых и немыслимых злоупотреблениях. Донос переправили губернатору, что крайне озлобило его и усугубило положение доносчика.

Шестерых подследственных (Д. Таптикова, В. Колесникова, В. Ветошникова, И. Завалишина, М. Старкова, Х. Дружинина) ожидала смертная казнь, причем, первых четверых – через колесование, Г. Шестакова – разжалование навечно в солдаты, С. Дынькова – навечно в каторжные работы.

Проявляя «милость», П. Эссен смягчил приговор, а Высочайшая конфирмация утвердила его, заменив И. Завалишину, Д. Таптикову, В. Колесникову, Х. Дружинину смертную казнь каторгой, остальным – отдачей в солдаты с отправкой в Кавказский корпус. Кстати, провокатор Завалишин («поношение рода человеческого», как о нем отзывался декабрист А.Ф. Бригген) поплатился более суровым наказанием – каторгой навечно. Каторжане-декабристы, в среду которых он попал, отнеслись к нему с глубочайшим презрением. Так, декабрист А.Ф. Фролов вспоминал, что И. Завалишин не проявлял «ни малейшего раскаяния, ни стыда, ни хоть сожаления о молодых людях, которых он погубил. Я шесть лет пробыл с ним в одной ограде и при встрече с ним проходил, не обращая на него внимания; так и все поступали» [11, 269-270].

Завершая разговор о И. Завалишине, приходится отметить, что он впоследствии прославился как писатель и автор весьма добротного и известного в научной среде исследования под названием «Описание Западной Сибири» в трех томах [12]. Но в оренбургской истории он навечно заклеямен как беспринципный и убежденный циник-провокактор.

Что касается подвергшегося разгрому общества, то есть предположения, что спасенные от ареста и суда его участники (в доносе Завалишина отмечалось: «многие из них, а особенно капитан Алексеев, были деятельными членами общества» [3, 153]) пытались еще некоторое время сохранить и продлить существование кружка. Повторяем – это лишь предположения; на утверждение данного тезиса у нас нет прочных доказательств.

Лишенных дворянского звания и осужденных на каторжные работы членов общества в ножных кандалах, скованными попарно и примкнутыми к железному пруту, в сентябре 1827 г. отправили через всю Сибирь мучительным пешим путем (вспомним А.И. Герцена: «...пешочком в Сибирь идти трудно и долго») в Читинский острог, а через год – в Петровский завод. Здесь уже отбывали каторгу декабристы, охотно принявшие их, как близких по общему делу, сочувственно, всячески поддерживая и помогая сносить тяготы жизни. Исследователь творчества художника-декабриста Н. Бестужева И.С. Зильберштейн отмечал: «Декабристы смотрели на них как на своих младших товарищей. Вот почему эти два портрета (В.П. Колесникова и Д.П. Таптикова – Я.Д.) Бестужев включил в свою коллекцию» [13, 23].

По-разному сложилась дальнейшая судьба каторжан оренбуржцев, но это уже тема другого исследования.

3. Заключение.

Декабрист М.Ф. Орлов свидетельствовал, что революционные организации «...были рассеяны по всему пространству империи» [14, 311]. В качестве того, что данное свидетельство верно, служит факт существования Оренбургского тайного общества, явившегося по мнению оренбургских властей, результатом «воспламенения ума происшествиями 14 декабря 1825 года» [3, 110]. Безусловно, следует признать за истину как непреклонный факт, что оренбургское политическое вольномыслие есть порождение «духа времени» и, в определенной степени, идейного воздействия декабризма. Аналогичность программных установок, духа настроений, состава Оренбургского общества и декабристских организаций дали основание историку А.И. Федосову прийти к выводу о том, что «к общественной деятельности поднимаются такие круги русского общества, которые ранее были в стороне от общественного движения» [15, 75]. Оренбургские «декабристы» тому несомненный пример.

Список литературы

- 1 Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии [Текст]: в 35-ти т. Т. 18: Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова / И.В. Чернов. – Оренбург: Паровая типо-литография т-ва «Каримов, Хусаинов и К», 1907. – 224 с., 18 л. ил., портр.
- 2 Рабинович, М.Д. Новые данные по истории Оренбургского тайного общества [Текст] / М.Д. Рабинович // Вестник Академии Наук СССР. – №7. – 1958.
- 3 Колесников, В.П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату [Текст] / Редакция и вступительная статья П.Е. Щеголева. – СПб.: Огни, 1914. – 160 с., [3] л., портр.
- 4 Дюгамель, А.О. Автобиография [Текст] / А.О. Дюгамель // Русский Архив. – №4. – 1885.
- 5 Столпянский, П. Очерки по истории Оренбургской старины [Текст] / П. Столпянский. – Оренбург: [б.и.], 1902.
- 6 Архив Академии Наук СССР. Петербургское отделение. Ф.157, оп. 1, д. 30.
- 7 Штрайх, С.Я. Провокатор Завалишин [Электронный ресурс] / С.Я. Штрайх. – М.: Огонек, 1928. – URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/straih/htm>.
- 8 ЦГАРФ. 111отд., 1 эксп., ф. 109.
- 9 ЦГИА (Петербург). Ф.1405, оп. 534, д. 96.
- 10 Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828) [Текст]. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1940. – Т. 1У.
- 11 Том 60: Декабристы-литераторы) [Текст]: II. Книга 2 / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 674 с., ил. – 8 000 экз. – (Лит. наследство / Ред.: В.В.Виноградов (глав. ред.), И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин, М.Б. Храпченко; Т. 60, кн. 2-ая).
- 12 Завалишин, И.И. Описание Западной Сибири [Текст]: Т.1-3 / И.И. Завалишин. – М.: Типография В.Грачева и комп., 1862-1865.
- 13 Зильберштейн, И.С. Художник декабрист Николай Бестужев) [Текст] / И.С. Зильберштейн. – М.: Издательство «Изобразительно искусство», 1977.
- 14 Избранные социально-политические и философские произведения декабристов [Текст]: Том II / под ред. И.Я. Щипанова. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. – 731 с.
- 15 Федосов, Ф.И. Революционное движение в России во второй четверти XIX века) [Текст] / Ф.И. Федосов. – М.: [б.и.], 1958.

Материал поступил в редакцию: 24.02.2017

ДУХИН, Я.К.

ОРЫНБОР «ЖЕЛТОҚСАНШЫЛАРИ»

Аталмыш мақала Орынбор құпия қоғамының тарихы бойынша материалдарды қамтиды. Ұйымның құрылуы, оның басшылары, бағдарламалары, олардың желтоқсанишылармен қарым-қатынасқа түсу мүмкіндіктері мен идеялық жақындасу жолдары қарастырылады. Негізгі дереккөздер: мұрағат, әдебиет материалдары, мерзімді баспасөз материалдары.

Мақаланың мәнін ашатын сөздер: қоғам, желтоқсанишылар, жер аударылған адамның аса ауыр, азапты жұмыстары, көтеріліс, бағдарлама, шағым, арандатушылық, жер аудару.

DUHIN, YA.K.

«DECEMBRISTS» OF ORENBURG

This article shows the material, concerning the history of Orenburg secret community. Also, the article has the information about the creation of the community, its leaders, programs, and, the most important is that there might be possible contacts with Decembrists and the way of their ideological convergence. The source of this article is the archive and literature materials and some periodicals.

Keywords: *community, Decembrism, the cell, up-rising, program, denunciation, provoker, exile.*